30.05.2022 / 16:47

«Все 24 человека в камере были едины в том, что победа будет за нами», — экс-заключенный «Володарки»

33-летнего минчанина Амирани Бутиашвили приговорили к трем годам «химии» за участие в акциях протеста 9 и 10 августа 2020 года против фальсификации итогов президентских выборов. Его нашли из-за фото в телефоне другого задержанного — минчанин случайно попал на съемки. Задержали Амирани 28 января и поместили в карцер изолятора временного содержания на Окрестина. Несмотря на холод, у него забрали куртку и он остался в одной майке. Но другие задержанные дали ему свитер, оставшийся в карцере в «наследство» от бывших арестантов. В нем минчанина перевели на «Володарку» — свитер сразу узнали другие заключенные, которые прошли этот же путь. Амирани до суда почти два месяца содержался в СИЗО-1. Он рассказал «Весне» о своем задержании и политическом преследовании, об избитом сокамернике — экс-следователе Стороженко, о том, как узники «Володарки» узнали о войне и как восприняли эту новость.

Прослушивали три дня до задержания

Амирани до задержания занимался грузоперевозками по маршруту Минск — Москва. После очередной поездки его и задержали. Это было днем 28 января:

«Я повез машину на станцию технического обслуживания — там они меня и «приняли». Сотрудники ГУБОПиКа приехали на сером тонированном Volkswagen Polo. Из машины вышли три человека. У меня сразу забрали телефон. У меня стоял «face ID» — меня держали, телефон поднесли к лицу и разблокировали. Так меня задержали.

Фото из личного архива

Как мне сказали потом, меня прослушивали три дня до задержания.

За рулем по описаниям, как мы потом выяснили с сокамерниками, ехал сотрудник ГУБОПиКа Валерий Высоцкий [применял физическое насилие во время допроса студента химфака БГУ Артема Боярского — Весна]».

По словам Амирани, именно Высоцкий во время задержания больше всех высказывал ему угроз.

«Был допрос с угрозами — все как обычно, в принципе»

У минчанина, который только вернулся с рейса, при себе были 6 500 долларов и 330 рублей — они до сих пор находятся под арестом до решения судом вопроса по иску «Минсктранса».

«Один из сотрудников, когда увидел такую большую сумму при мне, сказал, чтобы я позвонил кому-то, кто мог бы приехать и забрать деньги. Но Высоцкий сказал, что никому деньги не отдадут — это «будет им моральная компенсация».

В ГУБОПиКе Амирани допросили и записали с ним «покаяльное видео»:

«Там был допрос с угрозами — все как обычно, в принципе. Угрожали: «Тебе дадут семь лет, ты оттуда не выйдешь, в тюрьме добавят срок», «Если у тебя в квартире полазим, то найдем срок и тебе нормальный».

Сотрудники ГУБОПиКа нашли Бутиашвили из-за фото другого человека, которого задержали, когда он вешал ленты во дворе. Его задержали, а в телефоне увидели снимок с акций протеста, на одном из которых был и Амирани. Силовики нашли его профиль в Facebook, на одной фотографии стояла БЧБ-рамка:

«Сотрудники говорили, что тот задержанный им «принес» сорок человек. Мне говорили: «Сейчас посмотрим, сколько ты нам человек принесешь».

Амирани говорит, что в галерее у него не было фото — и видеосъемок, поэтому силовики полезли в Google Photos, где нашли фото и видео:

«Но на них ничего не было видно — была ночь».

«Запугивали, что завезут в «хату» с «петухами»

С Амирани записали традиционное «покаяльное видео»:

«Один сотрудник не хотел, чтобы со мной записывали видео, но другой сказал мне: «Пошли, у меня есть для тебя минута славы». Меня завели в кабинет с зеленым фоном. Мне говорили, что надо говорить. Но удалось записать не с первого дубля: меня заставляли говорить, что я «принимал активное участие», а я сказал первый раз, что проявлял активную позицию. Кроме этого, я нервничал — первый раз столкнулся с таким [задержанием — прим. Ред.]. Меня запугивали, что, например, завезут в «хату» с «петухами».

Амирани рассказывает, что в одном кабинете здания ГУБОПиКа в телевизоре шло видео «NEXTA».

«Губоповцы злились и горели тем, чтобы поскорее пойти бухать»

В Центральном следственном комитете все спешили, Амирани не давали нормально ознакомиться с документами — торопили подписать их:

«Губоповцы всю дорогу в СК ругались: «Пятница, а мы с тобой поркаемся! Мы могли бы уже коньяк пить из горла!» Они злились и горели тем, чтобы поскорее пойти бухать в какой-то бане. Одному из них кто-то звонил и хвастался, что отдыхает, на что губоповец [по приметам Высоцкий] ответил: «Я приду домой и прямо с порога засажу бутылку коньяка».

Когда ехали на машине, то они обсуждали прохожих между собой. Например, идет девушка, а они говорят: «Посмотри, какая кобыла! Скоро заедем к ней». Обсуждали стоимость одежды прохожих: «Жалуются, что херово живут, а сами в натуральной шубе ходят!»

Адвокаты не хотели браться за «политическое дело», говорили: «Лучше бы он убил кого-нибудь»

Шансов, чтобы к задержанному вызвали адвоката, не было:

«Они говорили: «Зачем тебе адвокат? Он все равно ничего не решает!» Ну и кричали, что еще придется и адвоката ждать.

Когда ко мне потом приезжал следователь и спрашивал, знаком ли я с документами, я не знал, потому что не успел прочитать».

Кроме этого, по словам Амирани, родственникам сложно было найти адвоката из-за того, что дело «политическое»:

«Вообще адвоката было сложно найти — никто не хотел браться. Говорили: «Лучше бы он убил кого-нибудь». Мы понимали, что адвокат нужен, только чтобы была какая-то связь с родственниками».

«В ИВС все спали на бетонном полу»

«Политический» карцер в ИВС на Окрестина в конце января — начале февраля

В изоляторе временного содержания на Окрестина Амирани находился десять суток. Все это время он содержался в карцере с бетонным полом. В карцере, рассчитанном на одного человека и размером 120х320 сантиметров, одновременно находились 4—6 человек:

«У меня по приезду забрали куртку, несмотря на то, что был январь, и я остался в одной майке. В карцере было холодно. Все спали на бетонном полу, потому что кровать не отстегивали. Мне оставили свитер — остался в «наследство» от тех, кого перевели из ИВС на «Володарку».

В этом свитере Амирани сам уехал в СИЗО-1 — свитер теперь остался там.

«Все, кто прибывал, были в теплых вещах, поэтому ребята сказали забирать с собой свитер. Переживали, что будет со мной на «Володарке»: вдруг у меня заберут куртку и там. Когда меня привели в СИЗО в нем, то этот свитер узнали».

Сотрудники — человеку с туберкулезом и вшами: «Надо сутки отработать на Окрестина»

Как рассказывает бывший арестант ИВС Окрестина, там работает медсестра — пожилая женщина с каре. По его словам, от нее пахло алкоголем:

«Она привела к нам на «сутки» в карцер бомжа. У него был туберкулез, на нем и на его одежде были вши, которые прыгали, на ногах были гнойники.

Этот мужчина нам рассказал, что у него «такая работа»: «Я никого не трогал, я просто пил, но пришли домой и забрали меня». Ему сказали: «Надо сутки отработать на Окрестина». Медсестра, которая завела его к нам в карцер, относилась к нему лояльно, а человеку, который простудился и не мог в туалет сходить, поэтому просил у нее таблетки, говорила: «Не сдохнешь».

Отношение к арестантам со стороны работников ИВС, говорит Амиряни, было разное и зависело от смены:

«Например, одни заставляли нас до трех ночи стоять в карцере».

«Держаться помогали ребята»

Проверка на Окрестина проходила дважды в день: в восемь утра и в восемь вечера всех выводили из камеры и ставили у стены головой вниз и с руками за спиной в полусогнутом состоянии. Это акт психологического давления на задержанных. Амирани рассказывает, что помогало не падать духом в таких условиях:

«Держаться помогали ребята. Когда я попал на Окрестина, я был в шоке, потому что губоповцы угрожали, что меня заведут в специальную камеру — «пресс-хату» или к «петухам». И они еще сказали, что знают, где я нахожусь, поэтому еще наведаются ко мне в гости. Но они всем так говорят, как выяснилось потом.

Поэтому когда меня привели в ИВС, у меня были опасения. Но я сразу увидел у одного парня татуировку «Перамогі» на руке, поэтому уже было понятно, что это не подставные люди.

Амирани Бутиашвили. Фото из личного архива

В соседнем карцере был некий бизнесмен — также по «политической» статье задержали. Мы слышали, как сотрудники говорили: «Этот тип нам еще пригодится — прокормит нас».

На Окрестина грелись пластмассовыми бутылками, когда они были в камере: наливали в бутылку горячую воду, под свитер засовывали и так согревались.

«Никита рассказывал, что били ногами, дубинками, наматывали тряпку на голову»

Как рассказывает Амирани, к ним в карцер привели 28-летнего бывшего следователя Никиту Стороженко, которого задержали по ч. 3 ст. 130 Уголовного кодекса (разжигание социальной розни). 17 августа 2020 года он заявил в своих соцсетях, что уволился из Следственного комитета в знак протеста. Амирани отмечает, что на Окрестина его привезли сильно избитым:

«Он был весь синий: от конца позвоночника и почти до пяток. На лице и на голове были ссадины, следы от наручников. Никита рассказывал, что били ногами, дубинками, наматывали тряпку на голову, надевали ведро для мусора на голову и били по ведру, чтобы следов избиения не оставалось. Но все равно у него было рассечение на носу, возле уха был большой синяк.

Работал ГУБОП. Они вообще любят больше всего избивать айтишников и тех, кто «сливает» информацию.

Никита держался. Он молодец. Мы его поддерживали. Никита высказался начальнику ИВС. По его словам, после выборов его назначили расследовать дело 16-летнего парня [наиболее вероятно, речь идет о Тимуре Мицкевиче: тогда против парня, который находился в коме после избиения, возбудили уголовное дело по ст. 293 Уголовного кодекса (Участие в массовых беспорядках)]. Никита поехал к нему в больницу и увидел, что на нем нет живого места. После этого у следователя «все перевернулось» и он уволился из следственных органов».

Как рассказывает Амирани, по ст. 130 УК Никиту в ИВС содержали только трое суток — после этого его перевели в СИЗО-1, но его там первый раз не приняли из-за сильного избиения:

«Мы с Никитой потом еще виделись на «крестинах». Каждый четверг заключенных ставят на профилактические учеты. Там это называют «крестины». Вышло так, что те, кто был в карцере на Окрестина, встретились на «крестинах».

«Только что — «политическим» перестали ходить письма»

Почти два месяца минчанин находился в подвальной камере № 60 — в так называемом «Шанхае», где одновременно содержались 24 человека:

«Это, наверное, самая большая камера в СИЗО. Сразу, когда я приехал, было 12 «политических», а потом дошло до 16».

По словам Амирани, особого отношения к «политическим» в СИЗО-1 он не заметил, кроме проблемы с перепиской:

«Кормили одинаково: на первом, втором и третьем этаже. Отношение более или менее человеческое. Там и «уважаемый» говорят, и на «вы» обращались.

Только что «политическим» перестали приходить письма. Например, задержанным по «наркотической» статье приходило по 2—3 письма в день, а по «политической» — через письмо, через три письма. Просто могли вернуть письмо обратно заключенному, потому что «много людей и цензор не успевает проверять письма».

«Если кто-то чихал в камере, то все 24 человека говорили: «Будь здоров!»

Бывший заключенный вспоминает «Володарку» как место, где все друг друга поддерживают:

«Там все друг друга поддерживают. Когда я попал на Окрестина, у меня был шок — ребята поддержали. Но следующих, которые «заезжали», уже я поддерживал. Уже все улыбаются — ничего уже не изменишь, хоть ты плачь или бейся об стену.

Мы все друг друга поддерживали, поэтому у нас никто ни в чем особо не нуждался.

Мы настолько дружными были в камере, что если кто-то чихал, то все 24 человека говорили: «Будь здоров!» Потом уже ребята чихали в подушку, чтобы никто не слышал, потому что надо всем «спасибо» ответить.

Помню, как-то играли на прогулке, а в соседнем дворике гуляли девушки. Девушки крикнули: «Жыве Беларусь!», а мы ответили: «Жыве!» Иногда на прогулке мы пели песни, например, гимн «Пагоня».

С нами были два человека, которые хорошо знали историю, — один историк Вадим Усоский, а второй начитанный айтишник Андрей Локтевич, хорошо знающий историю. Обо всем что угодно можно расспросить — о войне, царях. Один рассказывал, а другой продолжал. Они друг друга дополняли и поддерживали. Артем Соловей больше всех любил смотреть телевизор и комментировать новости. С нами в камере был Алексей Кедыш, которого недавно задержали с женой. Мы его сразу поддержали».

«Было страшновато, но мы же были в «Шанхае» — почти в бомбоубежище»

О начале войны узники камеры № 60 узнали почти сразу:

«О войне мы узнали утром 24 февраля. В шесть утра в камере включается свет — и можно включать телевизор. В белорусских новостях сказали, что «Россия начала спецоперацию». Мы все сразу поняли, что это война.

Я знал точно, что это война. Когда я возвращался в Минск из Москвы в день задержания, то видел на трассе М1 очень длинную колонну техники. Я столько лет езжу и ни разу не видел столько военной техники. Я снимал на видео, но после освобождения я не нашел на телефоне эти видео. Наверное, силовики удалили.

Но никто не верил в то, что показывают в телевизоре: что побеждает Россия или у российской армии все получается.

Было страшновато, но мы же были в «Шанхае» [камера в подвале — прим. Ред.] — почти в бомбоубежище. Но мы боялись, что нас просто забудут. Все уйдут, а мы останемся. В голове прокручивали, как вырывать решетку на окнах. Но больше было за Чернобыль [Чернобыльскую АЭС — прим. Ред.] страшно. Боялись, чтобы не бомбанули.

К нам в камеру заходил старший прапорщик и говорил: «Вам надо было не разуваться перед тем, как на скамейки стать, а драться», «сейчас видимо мы здесь сидели бы», «ошибка белорусов, что они такие хорошие, а мы сейчас будем этим пользоваться».

Продольный [смотритель — прим. Ред.] со шрамом на голове зашел к нам как-то и говорит: «Ну что, пойдете вину перед родиной кровью заглаживать! Поставим вас в первые ряды на войне». Мы ему отвечали: «Не боитесь, что мы вернемся?»

«Человек намного полезнее на свободе, чем в тюрьме»

Уголовное дело Амирани в суде рассмотрели за один день. Процесс вела печально известная «политическая» судья Ленинского района **Юлия Шут**. Приговор Амирани ждал два с половиной часа в «стакане» в суде в подвале.

«Несмотря на то, что я признал вину, мне во время процесса показалось, что я поеду не домой после суда. Потому что судья был такая злая. Она не уточняла — не спрашивала — она утверждала, как будто со мной рядом стояла 9 и 10 августа.

Адвокат сказал, что надо признать вину, чтобы не дали реальный срок».

Амирани дождался, когда приговор вступит в силу и отменят подписку о невыезде, и покинул Беларусь. Через неделю силовики пришли домой к Амирани, но его там уже не было.

«Я уехал по причине срока: три года находится где-то… за это время можно деградировать. Неизвестно, что будет завтра. Сегодня я на «химии», а завтра за мной могут приехать и забрать. Я вижу, как сейчас задерживают всех за План «Перамога». Причем губоповцы сами могут тебя зарегистрировать, если ты там упираешься в чем-то. Так же, как они подписывают на «деструктивные» телеграм-каналы.

За годы может произойти все что угодно: можно одичать, можно уйти в себя. А на свободе можно делать какие-то действия. Человек намного полезнее на свободе, даже за границей, чем в тюрьме».

«Все 24 человека в камере были едины в том, что победа будет за нами»

На вопрос: «Изменились ли ваши взгляды за время в заключении?» Амирани ответил: «Конечно, да»:

«Я еще больше верю в то, что победа будет за нами! Никто из тех, кого я встречал за решеткой, не сказал, что мы проиграли. В нашей камере было 24 человека. Из «неполитических» — те, кого преследуют по «наркотической « статье, по статье за кражу, тяжкие телесные. Но все 24 человека в камере были едины в том, что победа будет за нами. Никому не нравилась нынешняя власть».

Nashaniva.com

ЧИТАЙТЕ ЕЩЕ

Запрет на посещение лесов стали вводить на Минщине, но снимают ограничения в Западной Беларуси

«Он в хирургии». Виктор Бабарико на самом деле госпитализирован

Зинаида Бондаренко: День рождения провела в изоляции

«Кого вы называли фашистами?» В Минске судят детского поэта и преподавателя Дмитрия Юртаева 1